

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
XLIX

СЛОЖЕНИЕ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ СТАРОГО СВЕТА

Санкт-Петербург • 2009

УДК 321(Р47)+940.20
ББК (Т)63.3
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редакционная коллегия:
Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сениченкова

Т78 **Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 49 : Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 656 с. : ил.**

ISBN 978-5-93572-343-9

Сборник, сформированный на базе докладов одноимённой конференции, посвящён краеугольной теме Российской истории – возникновению русской государственности и зарождению русской народности. Углублённо рассматриваются славянская этническая база Руси и участие выходцев из Скандинавии в сложении русской государственности, а также влияние, которое оказывало на этот процесс взаимодействие с Византийской и Франкской империями, с Хазарским каганатом, Волжской Болгарией и Арабским халифатом. При наличии различных точек зрения разных авторов по некоторым из означенных проблем сборник даёт достаточно целостное и отчасти уточнённое и обновлённое представление о начальном этапе истории Руси/России.

УДК 321(Р47)+940.20
ББК (Т)63.3

На обложке: Круглая подвеска с растительным орнаментом, украшенная филигранью X–XI вв. Серебро. Высота 3,1 см. Смоленская губ., д. Гнёздово. Клад 1857 г.
Государственный Эрмитаж

ISBN 978-5-93572-343-9

© Государственный Эрмитаж, 2009

СЛАВЯНЕ ДО РУСИ. V–VIII вв. н. э.

И. О. Гавритухин
ИА РАН, Москва

ПОНЯТИЕ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

1. Терминология.

В основе термина «пражская культура» (далее ПК), или «культура пражского типа», лежит попытка И. Борковского дать эталон для выделения круга памятников, отражающих единство материальной культуры древних славян. В качестве «точки отсчёта» он взял подборку сосудов с памятников в верховьях Эльбы (в основном из окрестностей Праги), относящихся к ранним периодам славянской культуры, назвав её «керамика пражского типа». Тем не менее систематическое описание и всесторонняя характеристика ПК как археологического комплекса – заслуга И. П. Русановой. Её книга 1976 г. «Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа», несомненно, до сих пор является основополагающей. Нет оснований пересматривать закреплённую в ней традиционную и, конечно, продуманную терминологию (историографию см.: Русанова 1976).

Существующие предложения переименовать ПК в «культуру Корчак» содержательно не обоснованы и, по-моему, могут внести только путаницу. С. С. Гамченко, собственно открывший памятники типа Корчак, или «житомирского типа», вводя термин, имел в виду традиционную культуру славян: а) предгосударственного времени, б) в основном Восточной Волыни. В этом русле и целесообразно уточнение понятия «памятники типа Корчак». Совсем неудачен получивший широкое хождение термин «пражско-корчакская культура». Напомню, что В. В. Седов, предложив его, подразумевал и пару – «пражско-пеньковская культура» (Седов 1979; 1982). Однако уже в работах 1990-х гг. у автора этой конструкции не вызывало сомнения (а многим специалистам это было понятно с самого начала), что пеньковская культура и славянские материалы верхней Эльбы – совершенно разные археологические реалии (Седов 1995). Так что эта теория, как и закрепляющая её терминология, имеет, как говорил иногда их создатель, «историографический интерес». Правда, термин «пражско-корчакская культура» употребляется и вне упомянутой конструкции. Но здесь как бы подразумевается разница между памятниками

¹ Эта публикация – подборка части материалов к «заказному» докладу, который я должен был прочитать на конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света». По внешним (для конференции) причинам участвовать в её работе я не смог, но по настоянию А. А. Мачинского все же публикую эти, не всегда законченные, наблюдения и размышления. Сказанным объясняется «свернутость» аргументации, отсутствие конкретной дискуссии с коллегами, избирательность ссылок (я старался упомянуть последние из доступных мне важных разработок, где можно найти и ссылки на основную литературу), разнохарактерность частей и др.

типа Корчак и типа Прага (иначе зачем двучастность термина?). Однако такое дихотомическое деление ПК никак не обосновано, а существовавшие попытки явно неудачны (см., например, Русанова 1973: с. 9), что делает излишним и усложнение термина.

Итак, термин ПК я считаю вполне устоявшимся и не требующим модификаций. «Классический» образец (своего рода «идеальная модель») ПК вполне отчётливо описан И. П. Русановой. Это, конечно, не отменяет дальнейшей работы, но не терминологической, а связанной с уточнением, совершенствованием («конкретизацией», если пользоваться терминами диалектической логики) понятия (см. ниже и ряд наблюдений: Гавритухин 1997а; 1998; 2000а; 2005). В культурно-историческом плане представляется наиболее обоснованной точка зрения, что ПК является археологическим отражением «ядра» традиционной материальной культуры славян эпохи Великого переселения народов, если под славянами подразумевать конкретный народ, отраженный в греко-латинских источниках как «склавины» и т. п. (Русанова 1976: с. 196–198; Parczewski 1988б: р. 106–108; 2005; Свод 1991: с. 134–135 и многие другие работы археологов и историков).

2. Границы ПК.

2.1. Хронологические.

Уже давно в целом очерчен и признан специалистами круг ранних памятников ПК, известных на территории части Польши, в Полесье, Восточном Прикарпатье, относимых к ранней, или первой, фазе ПК и датированных V в. (Русанова 1978; Русанова, Тимошук 1984; Баран 1988; Parczewski 1988а; 1993; Гавритухин 1997а; 2000а; 2005; Вергей 1997; Вяргей 1999). Исследования конца 1980-х – 1990-х гг. позволили выделить и охарактеризовать более ранний пласт ПК, датированный не позднее второй половины IV в. и, учитывая устоявшуюся терминологию, названный мной фаза «0» (Егорейченко 1991; Gavrituchin 1991; Шовкоплас, Гавритухин 1993; Гавритухин 1997а; 2000а; 2003в; 2005; Щукин 1994: с. 285; Вяргей, Трымер 2003; Вергей 2008). Обозначение этой фазы как «0» подчеркивает и ее переходный характер – связь с памятниками римского времени, на базе которых сформировалась ПК.

Не столь уж однозначна, как иногда представляется, верхняя граница ПК. В целом её обозначение как «VII в.» подтверждается, но фактически за этой довольно абстрактной датой стоит ряд проблем.

В западных областях финал ПК маркирует появление посуды, сделанной на гончарном круге, часто имеющей волнистый и линейный орнамент. В Подунавье такая, иногда называемая «градищенской», «дунайской» и т. д., керамика становится важной составляющей комплексов около середины – не позднее второй половины VII в. (Fussek 1994). На северо-западе славянского мира смена неорнаментированной керамики, близкой пражской, была длительным процессом, проходившим на протяжении VII–IX вв.: на памятниках VII в. (да и позднее) неорнаментированная керамика ещё господствовала (Донат 1988; Dulicz 2001; 2005; Biermann 2003; Brather 2005; там литература). Здесь нет возможности и необходимости разбирать особенности опорных памятников для изучения этого процесса – преимущественно городищ с укреплениями, датированными дендрохронологией. Отмечу лишь, что полезные наблюдения в связи с ними не заменят анализа всего комплекса памятников ПК и её дериватов (см., напр., замечания: Гавритухин 2005: с. 404 и др.). В Повисленье репером для обсуждения появления орнаментированной и «обточенной» керамики, знаменующим финал собственно ПК

и начало нового, «предпястовского», или «раннесредневекового», периода истории считается клад из Новой Гуты, датируемый рубежом VI/VII или первой половиной VII в. (Parczewski 1988a; 1993). Однако есть основания датировать сам этот клад не ранее середины VII в., а широкое распространение орнаментированной «обточенной» посуды относить ко времени не ранее второй половины VII в. (Гавритухин 1997б; 2005: с. 423; Parczewski 1989), что согласуется и с материалами из Северного Подунавья.

В восточных областях на основе ПК складывается культура Луки Райковецкой (далее КАР). Разницу между поздними комплексами ПК и ранними КАР можно уловить лишь как тенденцию при сопоставлении детально выделенных вариантов на довольно большой выборке сосудов. Удобным репером, используемым многими специалистами для фиксации начальных фаз КАР, является распространение украшения венчиков сосудов пальцевыми вдавлениями (Тимоцук 1976; Вакуленко, Приходнюк 1984; Этнокультурная карта 1985; Томашевский, Гавритухин 1992; Славяне 1990; и др.). В целом это оправдано, и выделение особого периода, когда господствовала лепная сильно профилированная керамика, часто украшенная пальцевыми вдавлениями, не вызывает особого сомнения. Но в какой степени критерием разделения культур может служить именно новый тип орнамента, учитывая, что его ближайшие хронологические прототипы известны в культуре кочевников VII в. (например: Орлов 1985; Vida 1999: Abb. 58: IID1/c, g, f; IID4; 59: IID5/a1, c1; 61: 4, 6–8, 10, 11; Taf. 70: 2; 72: 1)?

Учитывая отсутствие резкой грани между ПК и КАР в керамическом наборе, вполне перспективным для обсуждения представляется и другой критерий – поселенческая история восточных областей ПК. На Житомирщине показательно поселение Тетеревка, где прослежены 2 периода активного заселения (Томашевский, Гавритухин 1992). Один связан с классической ПК и синхронен ряду поселений у Корчака, второй – соотносится в основном с КАР, причём именно к нему «примыкают» и комплексы, небезосновательно оценённые как «поздние пражские» (типологическая группа 5 – период Папо: Томашевский, Гавритухин 1992: рис. 3). Схожую картину можно видеть на примере другого, хорошо исследованного микрорегиона – у с. Рашков, где на поселении КАР (Рашков 1) выделяется ранний горизонт комплексов с неорнаментированной лепной керамикой, полностью тождественной поздней ПК (Баран 2004). Аналогична картина и на селище у городища Хотомель, судя по материалам, предоставленным мне И. П. Русановой.

Приведённые примеры показывают, что грань между ПК и КАР в общепризнанном типологическом отношении не совпадает с поселенческой историей². А именно последняя наиболее чутко отражает собственно историческую периодизацию. Добавим к этому, что в районе городища Зимно крупное поселенческое гнездо гибнет где-то на поздней (3-й) фазе ПК и не имеет непосредственного продолжения (Гавритухин 1998). Во многом неясны соотношения ПК и КАР в Полесье (Гавритухин 2003в). Эти и другие факты свидетельствуют о неоднозначном соотношении ПК и КАР, по крайней мере для ряда регионов. Наиболее поздние реперы на востоке ПК синхронизируются с эпохой расцвета стилей, представленных в кладах типа Мартыновского, и вскоре последовавшим

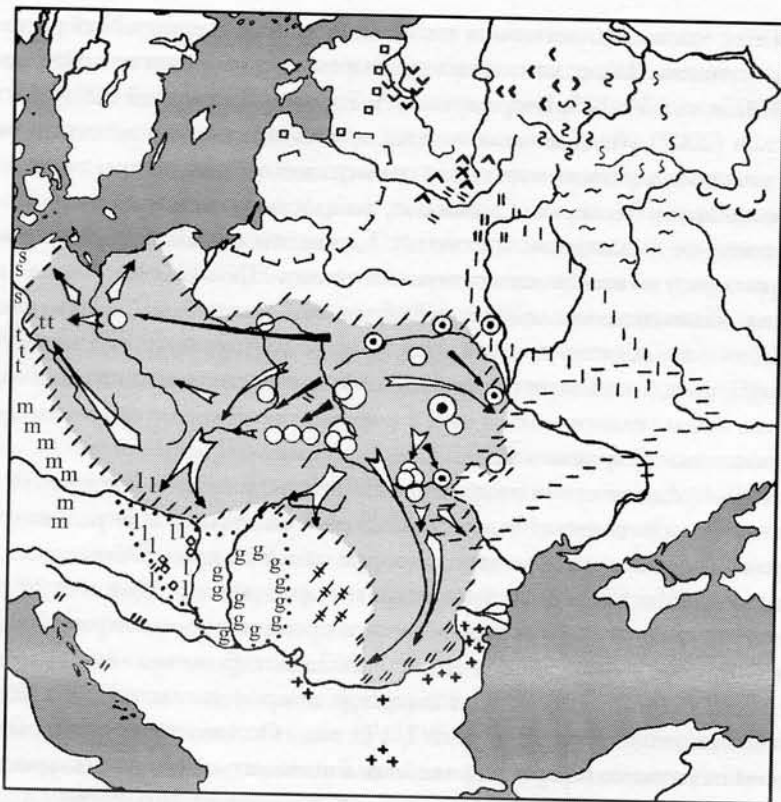
² В принципе, прерывистость поселенческой истории отмечалась и для других периодов ПК, в частности для пика славянской активности на Балканах в VI в., которая в данном случае и объясняет прерывистость в истории микрорегионов (подробнее см.: Гавритухин 2003б).

выпадением этих кладов, т. е. второй-третьей четвертями VII в. (Гавритухин, Обломский 1996; Гавритухин 2005). В то же время есть все основания связывать выпадение этих кладов с распространением керамики типа Сахновки и других компонентов, показательных для ранней фазы КАР (Гавритухин, Обломский 1996). А это заставляет предполагать, что ряд особенностей, характерных для ранних фаз КАР, должен был сложиться параллельно с существованием поздних памятников ПК. Миниатюрные пальчатые фибулы (поствосточногерманские днестро-дунайской подгруппы), один из главных индикаторов финала ПК, встречены и с керамикой КАР, украшенной пальцевыми вдавлениями (Гавритухин 1991: с. 127; 2005: с. 430). Раньше я был склонен считать это единичным запаздыванием вещей, но сейчас предпочту оставить вопрос открытым. Граница между ПК и КАР, по естественнонаучным данным, относится к рубежу VII и VIII вв. (Гавритухин, Обломский 1996: с. 137; Баран 2004). Остаётся неясным, должны ли мы поднимать верхнюю границу существования фибул днестро-дунайской подгруппы, а вместе с ними и финала ПК? Или правильнее сомневаться в календарной привязке данных археомагнитной датировки и единичных радиоуглеродных дат (аргументы в пользу этого см.: Гавритухин 2005)? Наконец, может быть, отмеченная асинхронность отражает не несовершенство подходов, а реальную сложность картины, но тогда в чём должны корректироваться общепризнанные сейчас оценки?

2.2. Территориальные.

Авторы первых карт памятников ПК на северо-востоке ее ареала – Ю. В. Кухаренко и И. П. Русанова – считали Припять восточнее Ясельды своего рода рубежом этой общности, традиционно отделившим мир южных, связанных с западом, культур от глухого лесного, «днепровского» – «балтского», мира. Однако более пристальное внимание к полесским памятникам, связанное с открытием здесь хронологических реперов для наиболее ранних комплексов ПК, заставило пересмотреть этот тезис и рассматривать Припять как внутреннюю артерию ПК, причем для раннего времени, очевидно, важнейшую (Гавритухин 1997а: рис. 2; Гавритухин 2000а). Такую оценку подтвердили исследования В. С. Вергей, открывшей на левом берегу Припяти, в Петрикове, новые выразительные и очень архаичные комплексы ПК (Вергей, Трымер 2003; Гавритухин 2003в). Недавние, еще неопубликованные раскопки О. А. Макушниковой в Мохове³ дали материалы, по всем показателям относящиеся к ПК, причем сопоставимые с ее фазой «0». Пикантность открытию придает то, что этот памятник расположен сравнительно недалеко от Колочина, эпонима другой культуры, синхронной ПК. Ряд материалов, сопоставлявшихся с ПК, известен и значительно восточнее (Горюнов 1982). Следует отметить, что такая атрибуция этих материалов не была поддержана специалистами. Отдельные формы горшков, расширенных в верхней трети и напоминающих «пражскую классику», являются органической частью керамического набора ряда памятников колочинской культуры (см., например, атрибуцию этих памятников: Обломский 1996 и др.). Более того, сосуды с расширением в верхней трети являются ведущими формами для керамических наборов ряда групп, относимых к западной зоне киевской культуры – типов Абидня, Заозерье и др. (Лопатин, Фурасьев 2007). Очевидно и то, что

³ Благодарю Олега Анатольевича Макушниковца за возможность познакомиться с материалами его раскопок в 2004 и 2005 гг.

Памятники пражской культуры (ПК), культуры «славянского» круга, их основные соседи в третьей четверти I тыс. н. э.

⊙ памятники ПК фазы «Ф» (Остров, Петриков, Мохов, Оболонь, Бериашевка; крупно выделено скопление памятников (не менее 5 пунктов), куда входят Корчак, Тетеревка и др. ○ памятники ПК фазы 1/0 (гуннская эпоха); /// границы ПК; → Направления распространения ПК: — середины IV – середины V в.; — середины V – первой половины или трети VI в.; — середины VI – начала VII в.; — южные границы группы Ипотешть – Кындаешть – Чурел; + памятники с компонентами ПК к югу от Нижнего Дуная (по С. Ангеловой и Р. Колевой, с дополнениями); ◇ памятники лангобардов и Аварского каганата с компонентами ПК; ✕ зона памятников Семиградья с компонентами ПК; — материалы ПК на памятниках Северо-Запада Балкан и у отрогов Восточных Альп; — ареал пеньковской культуры (по О. М. Приходько); — ареал колочинской культуры (по В. В. Седову, Р. В. Терпиловскому и А. М. Обломскому); X тип Жабино (по Н. В. Лопатину); тип Кисели (по Н. В. Лопатину); ^ тип Дорохи (по Н. В. Лопатину); ∨ тип Жеребятино (по Н. В. Лопатину);	< тип Съезжее (по Н. В. Лопатину); > удамский тип (по Н. В. Лопатину); /// тип Банцеровщина (по Н. В. Лопатину); □ южная граница западных (балтийских) финнов; — южная граница поволжских финнов (рязано-окские могильники); — ареал дьяковской культуры; — ареал мощинской культуры (основные памятники не позднее V в.) (по В. В. Седову); 2 тверская группа дьяковской культуры (по И. В. Ислановой); — памятники типа Троицы (в основном до V в.) (по И. В. Ислановой);] ареал балтских (лето-литовских и прусо-ятвяжских) культур (по А. Битнер-Врублевской); S саксы; t тюринги; m культуры меровингского круга (здесь: алеманы и багавары); l лангобарды в конце V – середине VI в. (до 568 г.); g гепиды в конце V–VI вв.; • территория распространения памятников, связываемых с Аварским каганатом в период между 568 и 660/680 гг.

Памятники ромеев и кочевников не картографированы

эти группы, в том числе и памятники, известные в Полесье, не могут рассматриваться в качестве прототипов ПК; если и можно говорить об их родстве с ПК, то не прямо (Гавритухин 2003в: с. 134–135; Гавритухин, Лопатин, Обломский 2004). Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасев (2007) убедительно показали, что сосуды, напоминающие пражские, в культуре псковских длинных курганов, памятниках удомельского типа и т. п., связаны с традициями круга Заозерья. Очевидно, вопросы о северо-восточной границе ПК и взаимодействии ее с соседями находятся на стадии накопления материала. В этом свете интересно одно из наиболее восточных селищ ПК – Оболонь – на севере современного Киева. Памятник исследован практически полностью, а немногочисленные комплексы ПК все же образуют там 2 горизонта, судя по всему, не смыкающиеся хронологически (Шовкопляс, Гавритухин 1993). Создается впечатление «пульсации», и не исключено, что это не единичный факт, а именно такой характер имела здесь (а может быть, и не только здесь) граница ПК.

В устоявшиеся представления о характере памятников на юго-востоке ПК следует внести существенные коррективы. На юге Киевщины опорными для реконструкции культурной истории I тыс. являются материалы поселений в округе Обухова, на протяжении многих лет исследовавшихся Н. М. Кравченко и ее учениками (Абашина 2004; Кравченко и др. 2007; там литература). Первоначально эти древности рассматривались в контексте поселенческой преемственности. На их основе даже строилась модель поступательного развития славянских общественных структур микрорегиона с III по IX в., где выделялся «пражско-пеньковский» период «VI–VII вв.». Однако публикация материалов из «центрального» памятника (Обухов 2) заставила усомниться как в культурной атрибуции (наличии пеньковского компонента), так и в хронологии комплексов (Абашина 2004). Складывается впечатление, что черняховская культура здесь сменяется вполне гомогенными памятниками ПК, связанными, судя по глинобитным печам, с западноволынской зоной (ср. Гавритухин 1998). Правда, пока не ясно, где проходила и как менялась граница ПК с пеньковской культурой, когда памятники ПК появились на Стугне?

Памятники V–VII вв. из лесостепной зоны Южного Побужья традиционно рассматривались в пеньковском контексте. Знакомство с частью коллекций в оригинале позволило говорить о том, что не позднее VII в. здесь присутствуют выразительные комплексы ПК, то есть и этот регион нужно включить в ее ареал (Гавритухин 2005: с. 447, рис. 27). В принципе, это можно было бы рассматривать только как некоторое уточнение концепции о постепенном проникновении носителей ПК на юг и ассимиляции части носителей пеньковской культуры (ср.: Русанова 1976: с. 99–100 и др.), но, судя по всему, ситуация была сложнее. Памятники лесостепного Южного Побужья важны и находками хронологических реперов для выделения древностей V в. Один из них – Пархомовка, где найдена фибула, неоднократно публиковавшаяся как показатель зоны расселения славян в V в., а керамика определялась как «сочетающая пражские и пеньковские формы» (Славяне 1990: с. 344–346, рис. 75: 5). Эта фибула (явно связанная с позднечерняховскими традициями и датируемая в рамках гуннского времени), судя по отчетам И. П. Хавлюка, происходит из жилища № 3 с печью-каменкой и керамикой, полностью типичной для ПК⁴. Другой (чуть более поздний, постчерняховский) репер V в. в этом регионе – железная фибула из Куни, которая также найдена в полуземлянке

⁴ Благодарю Андрея Михайловича Обломского, обратившего мое внимание на этот комплекс.

с печью-каменной. И такие памятники здесь не единичны (Славяне 1990: с. 344–346). Они, к сожалению, не опубликованы, их атрибуция как пеньковских, учитывая намекающиеся уточнения и пересмотр ряда бытовавших оценок, а также вероятную многослойность памятников, пока декларативна и сомнительна⁵.

В отношении памятников Поднепровья и Восточного Прикарпатья на протяжении V в. прослеживается длительное, шаг за шагом, освоение правобережья Среднего Днестра и верховьев Прута носителями ПК, сопровождавшееся ассимиляцией групп местного населения, связанных с культурой карпатских курганов и культурами восточногерманского круга (Гавритухин 2000а; 2000б; 2005). Длительность этого процесса (не менее 100 лет) объясняет то, что славяне становятся известны византийцам не в первой половине V в., вслед за массовыми миграциями германцев к Дунаю, фиксируемыми финалом черняховской культуры, а в начале VI в.

Памятники на территории Валахии (а иногда и более широко) выделяют в «культуру» Ипотешть – Кындешть – Чурел (далее ИКЧ) и датируют в рамках V–VII вв. (Dolinescu-Ferche 1984; ряд статей в: Teodor D. Gh. 2003; там литература). Следует отметить, что, несмотря на довольно большое число хронологических реперов, пока нет ни одной находки, бесспорно свидетельствующей о существовании ИКЧ в V и конце VII в. Сами памятники ИКЧ гетерогенны, и новые исследования пока не столько уточняют картину, сколько ставят новые вопросы (Teodor 2004). Присутствие в ИКЧ пражского (славянского) компонента, как в керамике, так и домостроительстве (Русанова 1976: с. 190, 192–194; Teodor 2003; большая часть статей в части III и др.; Magureanu, Szmoniewski 2003) может вызывать сомнение только с позиций крайнего гиперкритицизма⁶. Многочисленны и свидетельства связей с Империей. «Остаток», если убрать отмеченные компоненты, неясен. Присутствие «местного» населения многократно декларировано, но не имеет бесспорных доказательств, приемлемых с точки зрения современных методик. В целом же облик ИЧК удивительно соответствует ситуации к северу от Нижнего Дуная в VI в., обрисованной в письменных источниках. Основной (если не считать набеги кочевников – единственной) военно-политической силой здесь были славяне, оттеснившие антов к середине VI в. на второй план. Несомненно присутствие за Дунаем тысяч пленных с Балкан, значительная часть которых отпускалась за выкуп, но многие включались в славянские общины. Сами славяне не составляли военно-политическое или гомогенное этно-социальное единство, дополнялись (а могли полностью или частично сменяться) новыми группами сородичей, включали группы иноэтничных соседей и легко впитывали их культуру. Чем дальше от лимеса, тем трансформации традиционной материальной культуры славян (ПК) были менее существенны, при том, что влияние, явно связанное с ИКЧ, прослеживается далеко на север (Гавритухин 2002б; 2003б). Соответственно, провести жесткую границу между ИКЧ и ПК невозможно в принципе. Любая «точка» (комплекс, набор признаков и т. п.) сложного процесса трансформации, протекавшего во времени и пространстве, условна и скорее объединяет, чем разделяет столь же условные «соседние точки».

⁵ Например, по информации А. М. Обломского, на некоторых памятниках, исследованных И. П. Хавлюком, есть не отмечавшиеся ранее материалы позанезарубинского круга типа Рахны. Не исключено, что часть их была оценена как «пеньковские».

⁶ А его следует обсуждать на уровне философии, в ряде случаев – идеологии, что здесь неуместно.

В бассейне Среднего Дуная ПК в «классических» вариантах хорошо представлена многими памятниками на севере и востоке. На территории современных Чехии и Словакии выделение ПК имеет длительную традицию и не вызывает сомнения (Русанова 1976; Zeman 1976; Fusek 1994; там литература). Ее ареал на западе достигает Нижней Австрии (Justova 1990). Памятники ПК становятся все лучше известны к югу от верхней Тисы и в ряде районов Семиградья (Русанова 1976: с. 190–191, 193; Istvánovits 2001; Stanciu 2004; 2005; там литература). Уже в Семиградье, наряду с памятниками, явно относящимися к ПК, есть синхронные, полностью инокультурные или содержащие лишь компоненты ПК (германские, аварские, типов Медиаш, Гымбаш и др.; см.: Horedt 1986a; 1986b; Stanciu 2002; 2005). В долинах Среднего и Нижнего Потисья памятники ПК не известны, что и понятно, поскольку эти территории были заняты гепидами, затем входили в ядро Аварского каганата. Впрочем, для V–VIII вв. здесь изучались преимущественно могильники. Широкомасштабные раскопки в связи со строительством конца XX – начала XXI в., несомненно, дадут материалы, позволяющие представить эти культуры не столь односторонне.

Особый феномен – наличие представительных наборов керамики пражского типа на ряде памятников Западной Венгрии и прилегающих земель (Vida 1999; Гавритухин 1997б; 2002а)⁷. Показателен практически полностью раскопанный обширный могильник Колькед Фекетекапу А (Kiss 1996), где пражская керамика архаичных форм, наряду с элементами, типичными для германских групп, и византийской «вуалью», образует «ядро» памятника (Гавритухин 2002а). Судя по тождеству погребального обряда и планиграфии, эти компоненты с самого начала составляли здесь уже сложившееся единство. Могильник был основан во второй половине VI в., вероятнее всего, в ходе перемещений населения, связанных с образованием Аварского каганата (568 г.). Соответственно, упомянутый синтез традиций должен был начаться ранее того.

Появление пражской керамики на севере Карпатской котловины датируется V в., а наличие заметного массива памятников ПК, во всяком случае на юго-западе Словакии, относится к ее фазе 1 (вторая половина V – первая половина VI в.; Fusek 1994; Гавритухин 1997а; 2000а). Контакты славян с лангобардами, вплоть до переплетения внутривосточных интриг, зафиксированы в письменных⁸ и археологических⁹ источниках. Довольно очевидна и общность стратегических интересов лангобардов и славян, появившихся в Среднем Подунавье около конца V в. и столкнувшихся с местными группировками. Если довольно сплоченные лангобарды в ходе этого движения вступали в контакт с Империей, были интересны ей, получали санкции на занятие территорий и т. д., то разрозненные славянские группы могли двигаться параллельно, некоторое время не обращая на себя внимания из Константинополя (см. также: Гавритухин 2003а: с. 111).

Такая реконструкция дает одно из возможных объяснений как присутствия пражской керамики на некоторых лангобардских могильниках, так и ее наличия, в том числе

⁷ Я не обсуждаю здесь явно методически ущербные попытки найти славян в Среднем Подунавье на основе единичных форм керамики, напоминающей пражскую или пеньковскую, пальчатых фибул и т. д.

⁸ Например, многократно обсуждавшийся славистами эпизод с лангобардским принцем Ильдигисом, описанный Прокопием Кесарийским (Ртос. VII [В.Г.П.], 35.12–22).

⁹ Например, наличие керамики пражского типа на лангобардских могильниках Сент-Эндере и др. (Bópa 1968); о ее атрибуции см.: Русанова 1976: с. 188–189; Гавритухин 1997а: с. 45.

весьма архаичных форм, за пределами контроля лангобардов – на северо-западе Балкан и у отрогов Восточных Альп (Русанова 1976: с. 188–189; Zgodnji slovanj 2002). Наконец, это объясняет отмеченный выше феномен Колькеда, который не единичен (Гавритухин 19976; 2002а). Понятно, что культура этих славянских группировок развивалась в существенно иных условиях, чем отмечено для ИКЧ. Наряду с памятниками, где элементы традиционной культуры славян в значительной степени переработаны или утрачены, можно предполагать и наличие поселений, по основным показателям принадлежащих ПК¹⁰. Такова еще во многом не ясная юго-западная, оторванная от основного ареала, зона ПК.

Особенности памятников Подунавья, связанных с ПК, и, в ряде случаев, очевидная быстрая утрата славянами многих элементов традиционной культуры в какой-то мере объясняют «археологическую неуловимость» славян на большей части Балкан. Впрочем, компоненты ПК к югу от Нижнего Дуная выделяются уже при ревизии материалов старых раскопок или в ходе целенаправленных поисков (напр.: Ангелова, Колева 1995; Гавритухин 2000а: прим. 33). Очень вероятно, что со временем этот корпус существенно расширится количественно и территориально. Хотя в заселении Балкан значительную роль, судя по всему, играли носители ИКЧ, наверное, были и более северные пришельцы, оставившие сравнительно «чистые» памятники ПК. В свете сказанного вопрос о южных пределах ПК благоразумнее пока оставить открытым.

Северо-Запад раннеславянского мира эпохи Великого переселения народов изучен как бы блоками, не всегда состыкованными между собой. Отнесение ряда памятников бассейна Средней Эльбы к ПК и их связь с Верхней Эльбой, откуда фиксируется несколько волн влияний и, наверное, миграций, не вызывает у специалистов особых сомнений (Донат 1988). Севернее, от бассейна Шпрее до Юго-Западной Прибалтики, изучались преимущественно городища, в нижних слоях которых господствует так называемая суковская керамика, небезосновательно рассматриваемая как локальный дериват пражского типа (Русанова 1976: с. 151–160; Parczewski 1989: s. 47–49; Гавритухин 2000а: с. 82, 84; Biermann 2003; там литература). По крайней мере, для Бранденбурга и Восточного Мекленбурга можно говорить и о наличии памятников только с лепной «суковской» керамикой (Wietrzichowski 1990; Гавритухин 2000а: с. 81–82), т. е. о включении этих земель в ареал ПК. Решение вопроса о зоне таких памятников западнее требует дополнительных исследований.

На севере граница ПК достигала Балтийского моря. Древности типа Дзедзицы (далее ТД; Porzezinski 1980; Sikoski 1987; там литература) в Польском Поморье по ряду показателей близки более западным и южным памятникам (что и послужило основанием для выделения «культур» Суков – Дзедзицы, Суков – Дзедзицы – Шелиги и т. п.). Их рассмотрение как дериватов ПК на ее северо-западной периферии (см. выше) вполне соответствует известным материалам. Вопрос о соотношении ТД с предшественниками (ряд исследователей считают ТД особой автохтонной славянской культурой) сводится фактически к выяснению роли субстрата и систематически не исследован. В восточной части Польского Поморья и на Нижней Висле памятники ТД или других дериватов ПК пока не известны.

¹⁰ Например, полуземлянка с керамикой пражского типа в Балатонмадьярód-Хидвегпуста и др.; благодаря за любезную информацию Белу Миклоша Сёке.

В Мазовии и Подлясье одним из наиболее северных памятников ПК является комплекс, связанный с городищем Хачки (Hańki 2005)¹¹. Прочие памятники этой зоны, продолжающейся на восток до севера Белорусского Побужья, известны весьма отрывочно. Среди них есть и весьма архаичные материалы (Русанова 1978; Moszczyński 2003), а материалы ПК на городище в Хачках датированы фибулой не позднее первой половины VI в. (Гавритухин 2003в: с. 136; 2005: с. 455). Керамика, расцениваемая как пражская, отмечена на неславянских памятниках Мазурского поозерья (Wróblewski, Nowakiewicz 2003). Очевидно, земли к югу от Мазур входили в ареал ПК, но точную границу и ее характер пока охарактеризовать трудно.

3. К логике понятия ПК.

Я не собираюсь вступать в обсуждение того, что такое археологическая культура в принципе, какая типология является методически правильной и т. д. Это удел особого круга специалистов и любителей, а основная практическая польза от их трудов должна бы быть учебно-педагогическая (соответственно оценивается и результат: формально-логическая красота построений и достижения тех, кто работал, действительно опираясь на сказанное «теоретиками»). Тем не менее кратко охарактеризовать структуру понятия ПК в рамках рефлексии историографического обзора важнейших подходов к работе с ней необходимо.

Исходный пункт в изучении ПК – выделение памятников или их групп как фиксация определенного этапа славянской истории на некоей территории (разворачивание проблемы на уровне единичного – ее «первая определенность»). Кроме часто поминаемых работ С. Гамченко и И. Левицкого на Житомирщине, И. Борковского под Прагой, следует помнить о существовании традиции таких исследований в Германии еще с XIX в.; об атрибуции ряда сосудов из могильника аварского времени в Девинской Новой Веси в Словакии или найденных в Бискупине, Злоте, Винарах и на других памятниках в Польше как раннеславянских; об исследованиях С. Шутова и А. Ковалени на востоке Белорусского Полесья и т. д.

Следующий шаг – осмысление единства этих древностей как отражения славянской общности, сначала во многом гипотетичное (действительное значение работ И. Борковского), затем как научно сформулированное понятие ПК (т. е. как «данное конкретное»). В способе мыслительной фиксации единства материала происходит переход от метода единичных «эталонов» к построению и предъявлению «идеальной модели» ПК (наиболее четко и систематично это сделано И. П. Русановой).

В логическом смысле (Г.-В.-Ф. Гегель, Э. В. Ильенков, Е. С. Линьков) это еще не снимает рядоположенности единичного (совокупности фактов) и общего (фиксируемого определением). Необходимо представить общность ПК как «действительное конкретное», то есть как «особенное», данное в становлении, развитии и снятии. В археологической терминологии это проблематика генезиса, выделения локально-хронологических групп, выявления элементов наследия ПК.

Конечно, эти проблемы (и варианты их решения) существовали с самого начала археологического изучения славян. Но подход к ним на адекватном материале и уровне его осмысления в отношении единства и различия стал возможен после публикаций

¹¹ Благодарю Збигнева Кобылинского за консультации и возможность работать с материалами в оригинале.

И. Борковского, а в отношении происхождения и смены культур – после работы И. П. Русановой.

Следует сказать, что если в 1970-е гг. уровень изучения ПК задавал «тон» всей раннеславянской проблематике, то сейчас роль такого лидера принадлежит (во многом благодаря исследованиям Е. А. Горюнова, Р. В. Терпиловского, А. М. Обломского) разработкам, связанным с киевской культурой. В отношении проблематики северных культур «прорыв» к этому уровню сделан Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурсевым. «Киевский» акцент, кроме достижений в области методик (работа с компактными территориально-хронологическими группами и др.) и ряда важных конкретно-исторических наблюдений, привел и к определенному «днепроцентризму» всей раннеславянской проблематики. Негативную роль здесь сыграло и снижение интереса к раннеславянской проблематике в 1990-е гг. у коллег из Польши, Германии, Чехии, Словакии, Украины и других важнейших центров изучения ПК.

Необходимость нового обобщения в исследовании ПК, связанного с современным пониманием ее происхождения, динамики и соотношения локально-хронологических групп, их вклада в славянские культуры четвертой четверти I тыс., диктуется, таким образом, не только внутренней логикой изучения ПК.

4. Внутреннее членение ПК.

То, что памятники ПК нередко заметно отличаются друг от друга уже в силу ее протяженности (часть 2) – как территориальной (от Эльбы до Днепра, от Балтики до Дуная и Балкан), так и хронологической (не менее 300 лет: от второй половины IV – до середины VII в.), понятно.

Наиболее изучены вопросы периодизации памятников ПК. К настоящему времени разработано несколько локальных хронологических шкал, предложены критерии для общей периодизации ПК, основания для абсолютной датировки ее фаз (см. Гавритухин 1997а; 2000а; 2005; там литература). Это позволяет оценить во времени территориальный рост ПК в целом, а в ряде случаев и довольно надежно реконструировать детали этого процесса.

Локальные варианты ПК изучены очень слабо. Пока существует лишь ряд наблюдений о распространении вариаций отдельных элементов ПК: домостроительства, погребальных памятников, городищ, некоторых керамических изделий (внимание привлекают, как правило, не самые массовые категории, например, сковороды, «хлебцы» и т. д.). Эти работы имеют ряд принципиальных недостатков (все мелкие претензии и дискуссионные вопросы здесь нет возможности даже отметить). Во-первых, многие из них охватывают лишь часть ареала даже ПК, не говоря уж о картировании схожих явлений за ее пределами. Во-вторых, остаются неизученными, хотя бы с минимальной долей систематичности, локальные особенности самой массовой категории материала – керамической посуды. В-третьих, результаты наблюдений над одной группой материала зачастую не соотносятся с результатами по другим группам или же это делается в очень ограниченных рамках. Наконец, почти всегда картирование ведется без учета хронологии, что для столь динамичного явления, как ПК, несомненно, дает очень грубый, а иногда и существенно искажающий картину результат. В данной публикации нет возможности компенсировать эти недостатки. Тем не менее даже существующие наработки позволяют предложить первоначальный эскиз хронологии и векторов движения ряда групп носителей ПК (рис.; основные аргументы в пользу предложенных реконструкций см. в частях 2 и 5 предлагаемой статьи, а также в: Гавритухин 1998; 2000а; 2005).

5. ПК в системах культур.

То, что ПК играет очень важную роль в исследовании ранней истории и этногенеза славян, – историографический факт. При этом следует различать употребление термина «славяне» как минимум в трех аспектах (Гавритухин 2000а: с. 72): 1) как особого этно-исторического круга культур определенной эпохи, отчасти близкого понятию «мир» (социально-культурный массив) в терминологии М. Б. Шукина (1994); 2) как самоназвания и самосознания особого народа, что отражено в письменных источниках и соотносимо с другими историческими (в том числе археологическими) источниками; 3) как семьи народов, родство которых отражено, прежде всего, в языке и элементах самосознания. Во многом эти аспекты употребления этнонима применимы к наименованиям и некоторым другим крупным этническим массивам, например «тюрки», «германцы» и т. п., хотя оно и не может быть тождественным, в силу различий исторических судеб этих общностей.

5.1. Культуры «славянского» круга.

Культурный круг (массив) эпохи Великого переселения народов, который имеет все существенные основания называться «славянским», в большинстве случаев сравнительно легко отличим от соседних массивов: «германских» (восточногерманского, северогерманского, «меровингского» и др.), «тюркских» (группы кочевников южнорусских степей, Аварского каганата и т. д.), «балтского» (летто-литовского и прусо-явтяжского), «западного волго-окского» (моштинско-позднетьяжского), «волжско-финского», «западнофинского», «камского» и др.

«Славянский» круг часто ограничивают триадой, состоящей из ПК, пеньковской и колочинской культур, что представляется неверным как количественно, так и структурно. Ряд исследований, резюмированных Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым (2007), позволяет включать в него и более северные группы, объединяемые некоторыми авторами в культуры типа Тушемли (в широком смысле), псковских длинных курганов, типа Узмень и т. д. На востоке компоненты, принадлежащие этому же кругу, значимы для именьковской культуры, наиболее многочисленны на памятниках типа Чертовидское – Замятино (Матвеева 2003; Острая Лука 2004).

Если уж выделять в этом (славянском) круге «сегменты», то можно говорить о следующих явлениях, связанных с памятниками позднего римского времени. Восточный сегмент, определяемый традициями сейминско-донецкого варианта киевской культуры, киевского компонента в черняховской культуре, деснинского варианта киевской культуры, привел к формированию колочинской и пеньковской культур (Обломский 2002; Терпиловский 2004; 2005). В его рамках наиболее активным был «котел» миграций, связанный с деснинскими традициями, «выплески» из которого охватывали значительную часть Верхнего Поднепровья, достигали Верхней Двины, в гуннское время распространились до Верхнего Сейма, Псла и Сулы (Обломский 2002; 2005; Лопатин, Фурасьев 2007). Этому же сегменту принадлежит упомянутый компонент на памятниках типа Чертовидское – Замятино, связываемый преимущественно с сейминско-донецкими традициями (Острая Лука 2004), а также истоки по крайней мере части предшественников именьковской культуры (Сташенков 2005). В отношении пеньковской и колочинской культур понятно, что они состояли из ряда культурно-хронологических групп, выделение которых только начинается (например, Обломский 1996).

Северный сегмент представлен традициями, связанными с памятниками типа Абидни. Представляется плодотворным рассмотрение их в рамках ряда групп, очерченных Н. В. Лопатиным при характеристике стиля V лепной керамики Днепро-Двинского региона: значительный массив памятников Верхнего и части Среднего Поднепровья, ряд памятников Подесенья (Лопатин, Фурасьев 2007: с. 27–28). Памятники групп Заозерье – Умень и связанные с ними группы третьей четверти I тыс. (Лопатин, Фурасьев 2007), хоть и испытали существенное деснинское воздействие, в значительной части тяготеют к рассматриваемому здесь северному сегменту, но некоторые (например, типа Кисели) ближе восточному. Очевидно, что граница восточного и северного сегментов весьма подвижна и легко проницаема (см. также выше, при обсуждении северо-восточных границ ПК в части 2.2).

Юго-западный сегмент определяется традициями, в основном характерными для ПК. Следует отметить, что типологическое «ядро» ПК, прежде всего представленное керамикой, весьма гомогенно, причем для удаленных на огромные расстояния территорий близки тенденции развития керамических форм. В этом – заметное отличие рассматриваемого сегмента от северного и южного, и одна из причин, позволяющих говорить о нем в рамках единой культуры (ПК). Другая особенность ПК – сравнительная легкость трансформаций и открытость влияниям. Разница между памятниками ПК на Одере и на Днестре по ряду показателей превосходит, например, различие памятников пеньковской и колочинской культур. По обширности и разнообразию «шлейф» ПК, представленный балкано-дунайскими и другими группами, связанными с ее традициями (часть 2.2), не имеет аналогов. Быстрота распространения ПК на огромные пространства обусловлена не только удачной военно-политической обстановкой (уход или ослабление ряда германских групп и др.). Ассимиляционные процессы, существенно усилившие демографический потенциал славян, скорее всего, были обусловлены не только открытостью к ним одной стороны.

Группа памятников римского времени, имеющих ряд черт, схожих с ПК, представлена на Днестре (Баран В. Д. 1981; Баран, Гопкало 2005). Их наименование «типа Куропатники» кажется мне предпочтительнее употребляемых терминов «типа Черепин – Теремцы»¹² или «днестровская группа черняховской культуры». Учитывая, что тип Куропатники связан с зубрецкой культурой, сложившейся на основе одного из вариантов пшеворской культуры при участии носителей позднезарубинецких и других традиций (Козак 1991), представляется перспективным выделение схожих традиций и в рамках собственно пшеворского ареала (Русанова 1990 – даны лишь первые наброски такой работы). Указанные группы «пшеворской» зоны, по-моему, нельзя рассматривать как определяющие в формировании ядра ПК. Это понятно уже потому, что они существенно отличаются от частично синхронных им ранних памятников ПК в Полесье, а вот исходя из материалов полесских памятников, легко можно объяснить особенности ПК висло-одерского и карпато-днестровского регионов, особенно учитывая специфику субстрата. В свете сказанного обращает на себя внимание ряд памятников, исследованных в сербской части Баната, имеющих сходство с памятниками типа Куропатники

¹² Оба этих памятника многослойные, содержащие, кроме обозначаемых позднеримских, и материалы ПК, причем в Теремцах как ранних, так и поздних фаз; благодарю Владимира Даниловича Барана за полученную возможность работать с коллекциями и Анну Николаевну Некрасову за помощь в этом.

(Янкович 1997; Трифунович 2000). Возможно, они или близкие им явились одним из «субстратных» компонентов для ИКЧ или близких групп. В любом случае, вне учета упомянутых групп « пшеворской » зоны понимание юго-западного сектора культур славянского круга невозможно. Их сходство с ПК представляется не конвергентным, а отражающим пусть и не прямое, но, тем не менее, генетическое родство.

При рассмотрении памятников типа Куропатники и связанных с ними групп рядом украинских коллег в разной форме уже поднимался вопрос о сходстве с киевской культурой. Представляется, что работе в этом направлении должно предшествовать прояснение терминологии. В принципе, можно трактовать понятие « киевская культура » предельно широко, называя так « культурно-историческую общность », и, за счет выделения ее новых вариантов, практически отождествлять с кругом славянских культур позднееримского времени. Эта тенденция была заложена еще автором термина (В. М. Даниленко) и проявляется сейчас (например, Лопатин, Фурасев 2007). Такой подход не кажется правильным уже потому, что для памятников этого же круга, но третьей четверти I тыс., аналогичное использование имени собственного¹³ явно приведет к путанице, неоправданным смысловым конструкциям и ассоциациям¹⁴. Очевидно, что вопрос о составе (и наименовании) культур славянского круга позднееримского времени назревает. Несомненно, что он должен решаться содержательно, на основе детального сопоставления всего массива памятников между собой, с предшественниками и наследниками; не насаждая историографические традиции « днепровским » или другим « центризмом » даже в терминологии.

5.2. К вопросу об археологических следах формирования традиционной материальной культуры народа « славяне » (ПК).

Культурно-хронологические группы, на основе которых сложились памятники фазы « 0 » ПК, во многом только начинают проявляться. Недавние исследования В. Г. Белевца и В. С. Вергей позволяют говорить о памятниках типа Кутова – Радость на западе Полесья и типа Курадово в его Турово-Пинской части, датируемых раннеримским и началом позднееримского времени и отражающих традиции полесского варианта зарубинецкой культуры во взаимодействии с периферией культуры штрихованной керамики и некоторых других « лесных » групп (Белявец 2004; Белявец, Вяргей 2005; Белевец 2008; Вергей 2008). Причем количество таких (важно, что надежно документированных) памятников увеличивается практически каждый год¹⁵, а атрибуция их как принадлежащих позднезарубинецкому культурно-хронологическому горизонту едва ли может вызывать возражение.

В этом ключе наличие « киевских », « рипневских », « штрихованной керамики », « западнобалтских » и других элементов в Лепесовке, отмеченное М. Б. Шукиным (1989), возможно, отражает не ряд разнокультурных компонентов, а характеристику наследия памятников типа Курадово, Радость или близких им. В таком случае можно говорить

¹³ Например, « посткиевская общность » (по аналогии с поздне(пост)зарубинецким горизонтом) или совсем другого (специально выдуманного).

¹⁴ Достаточно указать на неудачный опыт В. В. Седова ввести термин « пражский » в наименование всех « действительно славянских » (в его понимании – « склавинских » и « антских ») культур (ср. часть 1).

¹⁵ Все более обширным становится круг таких памятников и на территории востока Польши (см. например: Kobylińska 2003).

о существовании интересующей нас традиции в позднеримское время и взаимодействии ее носителей с черняховским (многокомпонентным по происхождению) населением¹⁶.

Значение упомянутых памятников римского времени в Полесье важно не только как долгожданное заполнение хронологической лакуны «полесского белого пятна». Их характеристика близка «вычислявшемуся» кругу прототипов фазы «0» ПК – полескому зарубинецкому и южной периферии культуры штрихованной керамики (Гавритухин 2003в). Нет сомнения, что на основании белорусских материалов уже в ближайшее время можно будет существенно конкретизировать процессы, связанные с генезисом ПК и народа, называвшего себя «славяне».

5.3. К реконструкции круга носителей идеи славянского единства в последней четверти I тыс. н. э. на востоке и севере.

Распространение самосознания славянского единства трудно представить без участия потомков носителей ПК. Особое значение ряда проблем, связанных с наследием ПК, определяется тем, что понимание единства народов «языка славянского» фиксируется первыми же дошедшими до нас опытами славянской историографии. Это сознание единства (и его наименование), судя по всему, сложилось в рамках конкретного народа, традиционная материальная культура которого фиксируется как ПК. Распространение традиций, связанных с ПК, на восток, до Потясьминья, бассейна Северского Донца и Посеймья, фиксируется памятниками типа Сахновки или близкими им (Гавритухин, Обломский 1996). На севере схожий процесс, тоже связанный с катастрофическим финалом местных культур и выпадением кладов или вещей типа Мартыновского клада, фиксируется до Витебско-Могилевского Поднепровья¹⁷. Пока не ясно, с какими конкретно группами, носителями или продолжателями традиций ПК связана эта экспансия, каким образом в эти процессы вписывается феномен Пастырского городища, особенно учитывая явный дунайский компонент в днепровских раннесредневековых кладах 2-й группы, во многом перекликающихся с изделиями пастырских мастеров.

В более северных памятниках славянского круга влияние ПК не прослеживается. Керамику, напоминающую пражскую, судя по всему, здесь следует рассматривать как развитие типа Заозерье и связанных с ним групп. Для четвертой четверти I тыс. есть основания говорить о появлении на обширных пространствах до Псковско-Чудского региона, Новгородчины и Верхней Волги новых керамических традиций, наряду с развитием старых (Лопатин, Фурсев 2007: с. 41, 103). Хотя вопрос об истоках новых форм остается открытым, едва ли здесь можно говорить о прямом влиянии ПК. Облик ПК фазы 3 (VII в.) определяют, прежде всего, сильно профилированные сосуды с S-видной верхней частью, нередко с усложненной моделировкой венчика, а в ряде групп – появление керамики, сделанной на гончарном круге. Распространением и эволюцией таких керамических комплексов невозможно объяснить наборы керамики последней четверти I тыс. на Северо-Западе России. Очевидно, появление носителей славянского самосознания в северной части Древней Руси если и можно связывать с традициями ПК, то очень опосредованно.

¹⁶ Был ли в Лепесовке еще и особый, близкий интересующему нас, выделяемый М. Б. Щукиным «вольно-подольский» компонент, связанный с наследием зубрецкой культуры, должны показать новые исследования.

¹⁷ Финал памятников типа Кисели, по классификации Н. В. Лопатина (или типа Никодимово – Вежки), прослеживается в выразительном наборе находок из слоя пожара в Никодимово и других городищах, а в Вежках (так же как в Колочине на Гомельщине) отмечен и появлением керамики ПК на соседнем с городищем селище (см.: Гавритухин 2003в: с. 126, 134).

Литература

- Абашина Н. С. 2004. Ранньослав'янські житла поселення Обухів II // Археологія давніх слов'ян. Київ.
- Ангелова С., Колева Р. 1995. Археологически данни за ранното славянско заселване в България // Годишник на Софийския университет «св. Климент Охридски». Исторически факултет – специалност археология. Т. 2. С. 159–185.
- Баран В. Д. 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.
- Баран В. Д. 1988. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев.
- Баран В. Д., Гопкало О. В. 2005. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ.
- Баран Я. В. 2004. Слов'янська община. Київ; Чернівці.
- Белявец В. Г. 2004. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан і перспектывы даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa. С. 227–265.
- Белевец В. Г. 2008. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций восточноевропейской лесной зоны Белоруссии – постановка проблемы // Лесная и лесостепная полоса Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула. С. 209–237.
- Белявец В., Вяргей В. 2005. Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-І каля Пінска // ГАЗ. № 20. С. 87–106.
- Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. 1984. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев.
- Вергей В. С. 1997. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Труды VI МКСА. Т. 3. С. 28–38.
- Вергей В. С. 2008. Белорусское Полесье в римский период и начале эпохи Великого переселения народов // Лесная и лесостепная полоса Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула. С. 238–256.
- Вяргей В. С. 1999. Помнікі тыпу Прагі-Корчак і Лукі-Райкавецкай // Археологія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск. С. 317–348, 392–406.
- Вяргей В. С., Трымер В. 2003. Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць // ГАЗ. № 18. С. 151–187.
- Гавритухин И. О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднепровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. С. 127–141.
- Гавритухин И. О. 1997а. Хронология пражской культуры // Труды VI МКСА. Т. 3. С. 39–52.
- Гавритухин И. О. 1997б. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю // ГАЗ. № 12. С. 43–58.
- Гавритухин И. О. 1998. Горизонт пражской культуры поселения Зимно 4 // Asl. Т. 3. С. 171–207.
- Гавритухин И. О. 2000а. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Т. 1. Київ; Чернівці. С. 72–90.
- Гавритухин И. О. 2000б. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź. С. 261–324.

- Гавритухин И. О. 2002а. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 2. Хазарское время. Донецк. С. 45–162.
- Гавритухин И. О. 2002б. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (Дунайско-иллирийские) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь. С. 229–250.
- Гавритухин И. О. 2003а. Взаимоотношения славянских и восточногерманских народов во второй половине V – начале VI в. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тезисы конференции. Часть II. М. С. 109–113.
- Гавритухин И. О. 2003б. Фибула из Луки-Каветчинской в контексте славяно-византийских связей // SSWS. S. 197–206.
- Гавритухин И. О. 2003в. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. Вып. 18. Минск. С. 123–138.
- Гавритухин И. О. 2005. Комплексы пражской культуры с датированными вещами // APS. S. 401–461.
- Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М. 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель. С. 39–50.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др. 1996. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.
- Горюнов Е. А. 1982. Славянское поселение середины I тысячелетия н. э. у с. Песчанное Белгородской области // КСИА. Вып. 171. С. 61–65.
- Донат П. 1988. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев. С. 50–55.
- Егорейченко А. А. 1991. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области // Asl. 1. S. 61–82.
- Козак Д. Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.). Київ.
- Кравченко Н. М., Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Петраускас А. В. 2007. Памятники археологии поздне римского времени Правобережной Киевщины. Киев.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.
- Матвеева Г. И. 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара.
- Обломский А. М. 1996. Среднее Посеймье в поздне римское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. № 4. С. 51–70.
- Обломский А. М. 2002. Днепровское Лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М.
- Обломский А. М. 2005. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // APS. С. 137–156.
- Орлов Р. С. 1985. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев. С. 98–105.
- Острая Лука 2004. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.
- Русанова И. П. 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Е1-25. М.
- Русанова И. П. 1976. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.

- Русанова И. П. 1978. О ранней дате памятников пражского типа // Древняя Русь и славяне. М. С. 138–143.
- Русанова И. П. 1990. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Ранне-славянский мир. Исследования и материалы. М. С. 119–150.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А. 1984. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М.
- Свод 1991. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). М.
- Седов В. В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
- Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.
- Седов В. В. 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Славяне 1990. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Стапенков Д. А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. М.
- Терпиловский Р. В. 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin.
- Терпиловский Р. В. 2005. Наследие киевской культуры в V–VI вв. // APS. С. 387–402.
- Тимошук Б. А. 1976. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ.
- Томашевский А. П., Гавритухин И. О. 1992. Славянское поселение Тетеревка I. Киев.
- Трифуневич С. 2000. Населья лимиганта и словена у Банату и Бачкој // Гласник Серпског Археолошког Друштва. 15–16 (1999–2000). С. 43–106.
- Шовкопяц А. М., Гавритухин И. О. 1993. Комплексы пражской культуры с Оболами и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИА. Вып. 208. М. С. 52–62.
- Щукин М. Б. 1989. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Т. II. Lublin. S. 195–215.
- Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Этнокультурная карта 1985. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев.
- Biermann F. 2003. Schmerzke i Mittenwalde – nowe dane do absolutnej chronologii wczesnosłowiańskiego osadnictwa na obszarze północno-wschodnich Niemiec // SSWS. S. 101–108.
- Bóna I. 1968. Über einen archäologischen Beweis des langobardischen-slawischen-awarischen Zusammenlebens // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAV. 16. Nitra. S. 35–44.
- Brather S. 2005. Die Anfänge slawischer Besiedlung westlich von Oder und Neisse // APS. 2005. S. 527–540.
- Dolinescu-Ferche Sz. 1984. La culture «Ipotești-Cândești». La situation en Valachie // Dacia. Т. 28. P. 117–147.
- Dulnicz M. 2001. Kształowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej // Studium archeologiczne. Warszawa.
- Dulnicz M. 2005. Najstarsza faza osadnictwa słowiańskiego w północnej części Europy Środkowej // APS. S. 401–461.
- Fusek G. 1994. Slovensko vo včasnოსlovanskom období. Nitra.
- Gavrituchin I. O. 1991. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weiss-russland) // Asl. Т. 1. S. 95–103.
- Haćki 2005. Zaspół przyrodniczo-archeologiczny na Równinie Bielskiej / Red. B. Falińskiego. Białowieża; Warszawa.
- Horedt K. 1986a. Sibenbürgen im Frümittelalter. (Antiquitas. Reihe 3, Serie 4). Bonn.

- Horedt K. 19866. Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert, Probleme und Ergebnisse // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. (Hrsg. B. Hänsel. Südosteuropa Jahrbuch. Bd. 17). München; Berlin. S. 11–26.
- Istvánovits E. 2001. Korai szláv település maradványai Kisvárda határában // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. XLIII. Nyíregyháza. P. 165–183.
- Јанковић Д. 1997. Словенске особине насеља позноримског доба на југоистоку Паноније // Труды VI МКСА. Т. 3. С. 262–375.
- Justova J. 1990. Dolnorakuské Podunají v raném středoveku. Praha.
- Kiss A. 1996. Das awarenzeitlich gepidesche Gräberfeld von Kőlked-Feketekapu A. (Studien zur Archäologie der Awaren 5 = Monografien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie 2). Innsbruck.
- Kobylińska U. 2003. Ceramika starożytna i wczesnośredniowieczna z grodziska w Kulkowiczach na Podlasiu // SSWS. S. 441–452.
- Magureanu A., Szmoniewski B. S. 2003. Domestic dwellings in Moldavia and Wallachia in the initial phases of the Early Middle Ages // Acta Archaeologica Carpatica. T. XXXVIII. P. 111–136.
- Moszczyński W. A. 2003. Ceramika ze starszych faz wczesnego średniowiecza z Wieliszewa, pow. Nowy Dwór // SSWS. S. 461–468.
- Parczewski M. 1988a. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław.
- Parczewski M. 1988b. Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Kraków.
- Parczewski M. 1989. Żukowice pod Głogowem w zaraniu średniowiecza (Głogowskie zeszyty naukowe. II). Głogów.
- Parczewski M. 1993. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen. Wien.
- Parczewski M. 2005. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib słowian // APS. S. 65–78.
- Porzeziński A. 1980. Z badań nad problematyką najstarszej fazy wczesnego średniowiecza na Pomorzu Zachodnim // Materiały Zachodniopomorskie. T. XXVI. S. 115–157.
- Sikorski A. 1987. Problem ceramiki typu Dziedzice w świetle badań w Dębczynie, woj. Koszalin // Folia praehistorica posnaniensia. T. II. S. 281–302.
- Stanciu I. 2002. Gepizi, avari și slavi timpurii (sec. V–VII p. Chr.) în spațiul vestic și nord-vestic al României // Ephemeris Napocensis. XII. P. 203–236.
- Stanciu I. 2004. Die ältesten Slawen in der Gegend der obern Thiss. Eine kurze Untersuchung der Problematik im Lichte der Daten aus dem Nordwesten Rumäniens // Zborník na počesť Dariny Bialekovej / Red. G. Fusek. Nitra. S. 347–356.
- Stanciu I. 2005. Die frühen Slawen in der rumänischen Forschung. Kurze kritische Untersuchung // APS. S. 567–582.
- Teodor D. Gh. 2003. Spațiul carpatodunăreano-pontic în mileniul marilor migrații. Buzău.
- Teodor E. S. 2004. An update for «Ipotești-Cândești culture» // Zborník na počesť Dariny Bialekovej / Red. G. Fusek. Nitra. S. 405–414.
- Vida T. 1999. Die awarenzeitliche Keramik. I. (6.–7. Jh.). Berlin; Budapest.
- Wietrichowski F. 1990. Zur Verbreitung und Entwicklung der Sukower Gruppe in Mecklenburg // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. 37 (1989). S. 37–102.
- Wróblewski W., Nowakiewicz T. 2003. Ceramica «pruska» i «słowiańska» we wczesnośredniowiecznej Galindii // SSWS. S. 165–181.
- Zgodnji slovanj 2002. Zgodnji slovanj. Ur. M. Guštin. Ljubljana.
- Zeman J. 1976. Nejstarší slovanské osídlení Čech // Památky archeologické. Roč. LXVII. S. 115–235.